

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 3 (76). С. 189–200.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2023. Vol. 3 (76). P. 189–200.

Научная статья

УДК 355.353(410)

doi: 10.54398/1818510X_2023_3_189

СТРАТЕГИЯ КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Гончаренко Анна Романовна¹, Манойло Андрей Викторович^{1, 2}

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

² Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, г. Москва, Россия

¹annagoncharenko3@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-5310-0505>

²cyberhurricane@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8142-9110>

Аннотация. Данная работа посвящена изучению стратегии взаимодействия Китая с государствами Центрально-Азиатского региона. Таджикистан, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и Туркменистан продолжают притягивать великие державы своими ресурсами, выгодным географическим положением, соседством с Россией, Ираном, Китаем. Цель статьи – выявить цели КНР в регионе на современном этапе и средства, используемые для их достижения. В качестве источников выбраны работы преимущественно западных исследователей, так как Запад подробно анализирует внешнеполитическую и внутривнутриполитическую деятельность КНР, своего соперника за влияние в регионе. Использованы методы сравнительного анализа (сравнение инструментов влияния, используемых Китаем и Западом, их интересов) и сравнительно-исторического анализа (выявление особенностей китайской политики в Центральной Азии на протяжении последних 20 лет). В результате были сделаны следующие выводы: центральноазиатские республики будут оставаться местом борьбы внешних игроков, стремящихся получить доступ к ресурсам и рычагам влияния на национальные элиты и оказывающих влияние на экономическое, информационно-идеологическое, кибернетическое пространства, то есть соперничество внешних акторов имеет гибридный характер, что затрудняет ведение самостоятельной политики странами региона. Таким образом, чтобы не стать орудием в руках внешних акторов, стремящихся за чужой счёт увеличивать своё благополучие, странам Центрально-Азиатского региона необходимо тщательно следить за деятельностью институтов и игроков, связанных с внешним финансированием и влиянием, стремиться к подлинному сотрудничеству между собой и со своими ближайшими соседями.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, Центральная Азия, Запад, китайская внешняя политика, гибридные технологии, гибридная война, инструменты мягкой силы, современная «большая игра», «Один пояс – один путь», геополитические интересы Китая

Благодарности: исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Гончаренко А. Р., Манойло А. В. Стратегия Китая в Центральной Азии на современном этапе // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 3 (76). С. 189–200. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_3_189.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

CHINA'S STRATEGY TOWARD CENTRAL ASIA AT THE PRESENT STAGE

Anna R. Goncharenko¹, Andrei V. Manoilo^{1, 2}

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

² Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹ annagoncharenko3@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-5310-0505>

² cyberhurricane@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8142-9110>

Abstract. The research is devoted to the study of China's strategy of interaction with the Central Asian states. Tajikistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan and Turkmenistan continue to attract great powers with their abundant natural resources, advantageous geographical location, and geographical proximity to Russia, Iran, China. The purpose of this work is to identify the goals of the PRC in the region at the present stage and the methods used to achieve them. The works of predominantly Western researchers were chosen as sources, since the West analyzes in detail China's foreign and domestic political activities, its competitor for influence in this region. The methods of comparative analysis (comparison of the instruments of influence used by China and the West and their interests) and comparative historical analysis (identification of the features of Chinese policy in Central Asia over the past 20 years) were used. As a result, we have the following conclusions: the Central Asian republics will remain the place of struggle for external players seeking to gain access to its resources and levers of influence on its national elites and influencing the economic, informational, ideological, and cyber spaces. That is, the rivalry between external actors has a hybrid nature, which makes it difficult to pursue an independent policy. Thus, the Central Asian republics need to attentively monitor the activities of such non-state and state actors which are associated with external financing and influence. It is important to strive for genuine cooperation between the Central Asian states and their closest neighbors, so as not to become a tool in the hands of external actors seeking to increase their own well-being.

Keywords: The People's Republic of China, Central Asia, West, China's foreign policy, hybrid technologies, hybrid warfare, soft power tools, modern "Great Game", One Belt One Road, China's geopolitical interests

Acknowledgments: the research was carried out with the support of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Lomonosov Moscow State University "Preservation of the World Cultural and Historical Heritage".

For citation: Goncharenko A. R., Manoilo A. V. China's strategy toward Central Asia at the present stage. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2023, no. 3 (76), pp. 189–200. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_3_189.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Центральная Азия продолжает оставаться местом столкновения интересов великих держав, в настоящее время это становится всё более заметно. Для Запада регион интересен своим расположением (соседство с Россией, Китаем, Ираном, Афганистаном, выход к Каспийскому морю), ресурсами (гидроэнергия, ветряная и солнечная энергия, золото, нефть, газ, уголь, уран и др.), «недемократичностью» (согласно индексу демократии за 2021 г., рассчитываемому британской компанией «Economist Intelligence Unit» (подразделение «Economist Group») [10, p. 15–16] и рейтингу американской организации «Freedom House» [9], страны региона относятся к авторитарным). Не меньший интерес к Казахстану, Кыргызстану, Узбекистану, Таджикистану и Туркменистану испытывает и Китай. Проанализируем деятельность КНР в регионе.

Ресурсы

Чтобы понять взаимоотношения стран региона по поводу энергоресурсов, рассмотрим показатели добычи и потребления сырой нефти [6, p. 15] и газа [6, p. 29] в Китае, Казахстане, Узбекистане и Туркменистане по итогам 2021 г.

Таблица 1 – Добыча и потребление сырой нефти в Китае, Казахстане, Узбекистане и Туркменистане в 2021 г. (данные «Би-Пи»)

	Добыча нефти в день (в тыс. баррелей)	Добыча нефти в день (в % от общемирового объёма)	Потребление нефти в день (в тыс. баррелей)	Потребление нефти в день (в % от общемирового объёма)
Казахстан	1 811	2	327	0,3
Туркменистан	252	0,3	146	0,2
Узбекистан	60	0,1	90	0,1
Китай	3 994	4,4	15 442	16,4

Если проследить путь проданной на мировом рынке нефти за этот же год, то можно обнаружить, что четверть отправляется в Китай (526 млн т из 2 058,9 млн т общемирового объёма [6, р. 27]). Китаю ежедневно необходимо импортировать 12 724 тыс. баррелей нефти, что составляет 19 % от мирового объёма [6, р. 27]. А, например, США в день требуется 8 478 тыс. баррелей (12,66 % от мирового объёма). Таким образом, Китаю не хватает добываемой самостоятельно нефти, поэтому необходимы надёжные поставщики, способные компенсировать эту нехватку. Важна диверсификация импорта, чтобы избежать зависимости от одного источника, поэтому Китай заинтересован в поставках из Казахстана и Туркменистана.

Таблица 2 – Добыча и потребление газа в Китае, Казахстане, Узбекистане и Туркменистане в 2021 г. (данные «Би-Пи»)

	Добыча природного газа в за год (в млрд м ³)	Добыча природного газа в за год (в % от общемирового объёма)	Потребление природного газа в за год (в млрд м ³)	Потребление природного газа в за год (в % от общемирового объёма)
Казахстан	32	0,8	15,1	0,4
Туркменистан	79,3	2	36,7	0,9
Узбекистан	50,9	1,3	46,4	1,1
Китай	209,2	5,2	378,7	9,4

Из приведённых данных следует, что газа Китаю также не хватает. Китай получает 41,7 млрд м³ природного газа из стран СНГ (не включая Россию), в которые входят центральноазиатские республики, что составляет 25,63 % от экспортируемого Китаем природного газа и СПГ [6, р. 34].

Другие две республики, которые обладают меньшими возможностями по добыче нефти и газа, интересны своими более сильными сторонами: Кыргызстан – горнодобывающий сектор (золотодобывающие и горно-металлургические предприятия в первую очередь), Таджикистан – каменный уголь, который в топливном балансе республики составляет большую часть, гидроэнергетические ресурсы (около 4 % экономически эффективного гидроэнергетического потенциала в мире) [20, р. 236–243].

Энергетическая политика стран региона зависит от изменений внутри национальных элит, коррупционных проблем, нехватки собственных технологий, устаревания необходимой инфраструктуры, государственного вмешательства в эту сферу, считают исследователи из Университета Китайской академии наук и Института географических наук и исследования природных ресурсов [31, р. 1871–1895]. Китайские специалисты выделяют шаги для улучшения взаимодействия в сфере энергетики КНР с Центральной Азией: установление партнерства с США и Россией в этой сфере (это поможет быть в курсе планов основных конкурентов Китая, обозначить рамки многостороннего

сотрудничества с различными акторами, поддерживать стабильность), создание прагматичного механизма взаимодействия (поддержание безопасности, выстраивание совместного диалога Китая, Казахстана, Туркменистана, Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана), диверсификация китайских субъектов – участников нефтегазовой отрасли (участниками должны быть не только государственные китайские компании, следует привлекать малый и средний бизнес, что позволит выстраивать более гибкие стратегии), расширение границ сотрудничества (не только реализовывать проекты «под ключ», но и предлагать технологии по разведке, переработке, транспортировке), создание межрегионального энергорезерва (направлено на доступ Китая к возможности координировать центральноазиатских поставщиков, добываясь выгодных и стабильных поставок для себя), создание консульственных органов (для обеспечения взаимного обмена информацией и улучшения взаимодействия стран региона и Китая в области энергетики) [31, р. 1890–1893].

Центральная Азия необходима для диверсификации потоков энергоресурсов, идущих в Китай. Для этого важны не только импортируемые из региона ресурсы, но и возможность транспортировать через его территорию нефть, газ и многое другое из ближневосточных стран в обход территории России.

Безопасность

Протяжённая граница с Казахстаном, Таджикистаном и Кыргызстаном создаёт необходимость взаимодействовать по поводу её охраны, что стало особенно важно в 1990–2000-х гг., когда из-за распада СССР, подъёма радикальных исламских идей и распространения терроризма появились обоснованные опасения о возможных незаконных пересечениях.

Дополнительные сложности для китайского правительства создаёт тот факт, что с центральноазиатскими республиками со стороны Китая граничит Синьцзян-Уйгурский автономный район. Половину его населения составляют уйгуры [1, с. 94–99] – религиозное и этническое меньшинство. Представители этого тюркского народа также проживают и в приграничных странах Центральной Азии (в Казахстане – около 300 тыс., Кыргызстане – до 30 тыс., Туркменистане – 12 тыс. [1, с. 94]). Политика КНР по отношению к Синьцзян-Уйгурскому автономному району имеет три ключевых направления: поддержание общественного порядка, экономическое развитие и национальная интеграция [22, р. 9–10]. После событий 11 сентября 2001 г. на волне борьбы с общей для мира террористической угрозой Китаю удалось добиться признания уйгурского Исламского движения Восточного Туркестана террористической организацией со стороны США [21, р. 309–310, 317], что является аргументом для осуществления жёсткого контроля в этом районе вплоть до сегодняшнего дня. С 2001 г., когда Штатами была объявлена война мировому терроризму, созданные американские базы в Афганистане, Кыргызстане (Манас), Узбекистане (Карши-Ханабад) вызвали беспокойство у Китая, несмотря на то, что он поддерживал борьбу с терроризмом. Однако уход американцев свидетельствует о том, что переломить ситуацию в регионе в свою пользу и надёжно закрепиться у них не получилось. Это создаёт дополнительные преимущества для Китая как стремящегося к усилению своих позиций игрока в этом регионе.

Синьцзян ценен по многим причинам: крупные месторождения нефти, газа, угля (30 % запасов нефти страны, 34 % запасов природного газа, 40 % запасов угля), цветных металлов, сельское хозяйство (хлопок, фрукты, орехи, шерсть, животноводство) [22, р. 15–16]. Также важно отметить значимость Синьцзян-Уйгурского автономного района с точки зрения логистики: сухопутные маршруты не только в соседние страны, но и в Европу проходят через район, соединяя Китай с крупными рынками сбыта.

Интересным средством для «мягкого» контроля над районом является производственно-строительный корпус Синьцзяна, сочетающий в себе военные и невоенные функции. Он состоит преимущественно из этнических ханьцев, выполняет задачи по охране порядка и государственных границ, экономическому развитию (служащие в корпусе и члены их семей заняты на фермах, фабриках и шахтах), этнической интеграции [22, р. 17]. Организованная по военному принципу структура позволяет

с помощью «фермеров-пограничников» контролировать ситуацию в Синьцзян-Уйгурском автономном районе изнутри, не привлекая лишнего внимания: в мирное время члены такой структуры ведут обычную жизнь, работая на предприятиях, но в случае необходимости корпус оперативно и по-военному способен решать различные задачи. Они подведомственны Народной полиции КНР и Государственному управлению по делам иммиграции (с реформы 2018 г.), получают форму и зарплату, участвуют в учениях [28, р. 30].

ШОС, основанная Китаем, Россией, Казахстаном, Таджикистаном, Кыргызстаном и Узбекистаном в 2001 г., является основной площадкой в Центральной Азии, занимающейся вопросами безопасности, которая успешно функционирует и развивается: созданные институты (Региональная антитеррористическая структура (РАТС), Университет ШОС, Китайский национальный институт международного обмена и судебного сотрудничества ШОС) свидетельствуют об углублении сотрудничества, стремлении к поддержанию порядка в различных сферах. Например, в 2015 и 2017 гг. состоялись совместные военные учения в киберпространстве [28, р. 18]. Интересна следующая тенденция: Китай и Россия крайне незаинтересованы в очагах нестабильности вдоль своих границ, однако ШОС и ОДКБ не стремятся вмешиваться в конфликты, возникающие между странами региона (например, вспыхнувший конфликт на кыргызско-таджикской границе) [11]. Причина заключается в том, что национальные элиты используют территориальные споры в личных интересах и не всегда действительно готовы разрешать их, а количество таких болевых точек в регионе весьма велико. Так, водные ресурсы остаются предметом споров между странами региона. Прогнозируется, что к 2040 г. практически вся территория Кыргызстана будет создавать крайне высокий уровень нагрузки на водные ресурсы региона [5, с. 63], а к 2050 г. Таджикистан может потерять более половины своей ледниковой территории, из-за чего производство хлопка и сельскохозяйственной продукции перестанет быть возможным, ведь орошать поля будет нечем [27].

Процесс делимитации и демаркации границ продолжает идти до сих пор, но медленно и не всегда спокойно. Подписание нормативных правовых актов не гарантирует снятия напряжённости: после правового урегулирования вопроса о Кемпир-Абадском водохранилище, откуда поступают воды в Ферганский канал и на котором расположены две гидроэлектростанции Андижанской ГЭС, президент Кыргызстана заявил о возможном обмене в будущем [4]. Подобных спорных и совместно используемых объектов множество: Орто-Токойское водохранилище, р. Гавасай, род. Чечме, Фархадское водохранилище и др. Также в регионе существуют эксклавы Таджикистана (с. Ворух и Западная Галча, окружённые киргизской территорией, Сарвак, окружённый узбекской территорией), Узбекистана (Сох, Шахмардан, Чон-Гара и Джангал находятся в Ферганской области Кыргызстана), Кыргызстана (Барак в Узбекистане (обменяли на участок в Кара-Суйском районе, с осени 2022 г. – территория Узбекистана)), Казахстана (Арнасай и Мактааральский район, окружённые узбекской территорией и Шардаринским водохранилищем). Фактически, в кризисных условиях, в том числе созданных искусственно, перечисленные объекты могут стать подождённым фитилем пороховой бочки.

Основная часть

Стратегия в Центральной Азии

Выбранная Пекином изначально стратегия прямого влияния в отношении Центральной Азии оказалась неудачной, так как в 2001 г. страны региона продемонстрировали поддержку США, а Таджикистан, Узбекистан и Кыргызстан позволили использовать свои аэродромы и разместить военнослужащих [17, р. 10–13]. По этой причине Китай выработал новый подход, в некоторой степени отличающийся от западного: Китай сосредоточился на выстраивании партнёрских отношений в областях, которыми США пренебрегали, считают аналитики RAND [12, р. 38].

Значимым документом для понимания китайской стратегии взаимодействия с иностранными государствами является белая книга «Международное сотрудничество Китая в целях развития в новую эпоху» [8]. В ней описаны принципы, которых придерживается Китай: достижение общего блага, добросовестность, взаимная выгода, поддержка развивающихся стран, ответственность перед миром, реализация Повестки дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 г. В документе перечислены и формы, в которых осуществляется помощь: реализация проектов (преимущественно инфраструктурные и сельскохозяйственные) китайской стороной или совместно со страной-получателем, предоставление товаров (оборудование, транспорт, медикаменты), образовательные программы (предоставление стипендий для студентов из развивающихся стран, желающих учиться в Китае, программы повышения квалификации, обучающие семинары), отправка медицинских бригад (проведение бесплатных операций, консультации) и волонтеров (учителя китайского языка и активная молодежь), оказание экстренной гуманитарной помощи (спасатели, медики, ремонтники), списание долга (наиболее уязвимые страны могут получить такую возможность).

Акцент на сотрудничестве Юг – Юг свидетельствует о стремлении налаживать взаимодействие именно с развивающимися странами на данном этапе, которые не воспринимаются Западом как равные ему игроки на международной арене: «Сотрудничество Китая в целях развития является формой взаимной помощи между развивающимися странами. Оно относится к категории сотрудничества Юг – Юг и поэтому существенно отличается от сотрудничества Север – Юг. Китай является стойким сторонником и ключевым участником сотрудничества Юг – Юг» [8]. Взаимоуважение, отражающееся в том числе в невмешательстве во внутренние дела, процесс поиска пути развития, соответствующего собственным национальным условиям, стран – получателей китайской помощи, и отказ от навязывания им своей воли и политических интересов являются привлекательными для развивающихся стран. Демократия, по-своему трактуемая современными западными государствами, перестает быть обязательным условием для налаживания отношений с целью сотрудничества и получения помощи на улучшение экономической ситуации. Китай даёт возможность развивающимся странам получить инструменты для подъёма уровня жизни, как только благоприятный эффект от сотрудничества станет более заметным, вера в демократию будет подорвана, считает Сарвар Кашмери [14, р. 1–6].

Как отмечает Д. Б. Калашников, наибольшая часть помощи предоставляется официально и без посредников (то есть является двусторонней), процент неофициальной мал [2]. Отмечается, что для участия в многостороннем сотрудничестве Китай привлекает международные организации (ПРООН, Международная ассоциация развития, Новый банк развития, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и пр.) и НПО, многие из которых созданы государством [30, р. 21]. Тан Цзясюань, занимавший посты министра иностранных дел КНР и члена Госсовета КНР, ещё в 2003 г. призывал привлекать китайские неправительственные организации к участию в международном процессе [33].

В белой книге также приводятся конкретные результаты в интересующем нас Центральном-Азиатском регионе: поддержка строительства участков автомагистрали Север – Юг Кыргызстана и реконструкции дорог Таджикистана на экономическом коридоре «Китай – Центральная Азия – Западная Азия», проведение бесплатных хирургических операций в Узбекистане, защита культурного наследия на маршруте Великого шёлкового пути в Узбекистане (г. Хива) и Казахстане (руины г. Рахат), модернизация ирригационной системы в Кыргызстане, поддержка кыргызского здравоохранения (лекарства, оборудование, расходные материалы), кредитная мощь для строительства завода по производству серной кислоты в Таджикистане, создание экспериментальных автоматических метеорологических станций в Узбекистане и др.

К деятельности в сфере международного сотрудничества привлекается и армия: НОАК участвует в гуманитарных миссиях, ликвидациих последствий стихийных бедствий, отправляет госпитальное судно для оказания бесплатной медицинской помощи

населению [7, р. 149]. Китай на данный момент не обладает достаточным для глобального развёртывания военным потенциалом, союзами и военными базами на территориях других стран, что позволяло бы воспринимать его как военную державу, способную проецировать своё могущество на мировом уровне [24, р. 45], в том числе и поэтому такие невоенные методы ценны. Важный для Китая принцип военно-гражданского слияния, проявляющийся в том числе в использовании биологии, искусственного интеллекта (ИИ) и квантовых технологий сразу в обеих сферах, особенно волнуют Запад [7, р. 143]. Участие военных в невоенной сфере международного сотрудничества в различных странах мира способно вызвать ещё больше опасений у западных политиков, но повысит доверие к Китаю в развивающихся странах – получателях такой помощи.

Как отмечают специалисты Стокгольмского института исследования проблем мира, китайская модель иностранной помощи стала альтернативой западной: Китай готов финансировать проекты, важные для промышленности, инфраструктуры и социальной сферы, а Запад отдаёт приоритет образовательным программам, поддержке гендерного равенства, здравоохранению, водоснабжению (например, в африканских странах в 2011–2020 гг. на такие проекты было потрачено около 50 % выделяемой официальной помощи в целях развития, а на инфраструктурные проекты и поддержку производственных предприятий – около 20 %) [30, р. 23]. Предоставляя помощь недемократическими, по мнению Запада, режимам, Китай фактически подрывает авторитет западной демократии как единственного верного ориентира: чтобы получить помощь от КНР, не нужно проводить реформы и подстраивать систему государственного управления под заданные стандарты, как это делается при сотрудничестве с западными странами. Отмечаются следующие недостатки китайской модели: непрозрачность отчётности по проектам, поощрение коррупционных схем, создание долговых ловушек за счёт предоставления кредитов, которые государства-получатели объективно не в состоянии погасить [30, р. 24–27].

Уделяется внимание и сфере науки и образования. Правительство поощряет китайские академические учреждения устанавливать партнёрские отношения с мировым научным сообществом. Так, например, Нью-Йоркский университет, Йельский университет, Университет Джона Хопкинса и другие западные учебные заведения реализовывали совместные учебные программы. Китайские студенты отправлялись на учёбу по важным для страны направлениям в американские вузы, что вызвало серьёзное беспокойство и привело к тому, что с 2018 г. китайские аспиранты могут получить студенческие визы сроком только на год, если учеба связана с областью робототехники, авиации или высокотехнологичного производства [7, р. 178–183]. Для привлечения кадров в Китае действуют государственные программы: этнические китайцы – сотрудники престижных зарубежных университетов, научно-исследовательских центров, международных компаний и финансовых институтов могут вернуться в Китай, где будут получать более высокую заработную плату, при этом поощряется сохранения связей с оставшимися членами диаспоры [19, р. 2308–2327]. Ассоциация вернувшихся с Запада учёных (Western Returned Scholars Associations), возглавляемая Коммунистической партией Китая, объединяет учёных и студентов, которые вернулись или ещё продолжают вести деятельность в Европе и США [32], что помогает поддерживать формальные и неформальные контакты с этническими китайцами, которые представляют ценность для развития науки и техники. Затрагиваются и другие ступени образования: с 2004 г. за рубежом функционируют институты и классы Конфуция, где в зависимости от имеющихся возможностей преподаётся китайский язык, культура и история, проводятся занятия по кулинарии, танцам и музыке, финансирование осуществляется правительством КНР [7, р. 178–179]. Молодёжь из стран Юго-Восточной Азии может получить достойную стипендию для обучения в Китае, чем она активно пользуется [16, р. 315].

«Один пояс – один путь»

«Один пояс – один путь» является на данный момент важнейшем проектом для Центральной Азии, реализуемым на её территории. В XXI в. Китай обратился к истории Великого шёлкового пути: до нашей эры страны, через которые были проложены маршруты, получали технологии, инновации, товары, что способствовало их развитию. Китайским руководством выбрана стратегия экономического, а не военного союза с другими государствами. Инициатива «Один пояс – один путь» также позиционируется как выгодная всем присоединяющимся к ней участникам: появляется доступ к китайским займам, которые от других государств и международных институтов получить гораздо сложнее, а новые автомобильные и железные дороги, порты и трубопроводы помогает разливающимся странам встроиться в мировую экономику [3, с. 12].

Сарвар Кашмери подчёркивает, что по мере обогащения они будут превращаться в более крупный рынок сбыта для китайских товаров [14, р. 6]. Инициатива также помогает развивать западную часть страны. «Один пояс – один путь» – это «стратегический и дипломатический мастерский ход Китая в его стремлении к гегемонии в регионе» [18, р. 54].

Территория служит транзитной дорогой для экономических связей между Китаем и Европой, Южной Азией и Ближним Востоком. После начала специальной военной операции резко увеличилось число китайских грузовых поездов, следующих в обход российской территории, то есть через Казахстан, а затем в Азербайджан через паромную переправу по Каспийскому морю [29], следовательно, логистическая ценность Центральной Азии повысилась в новых условиях. Как уже было отмечено, богатые ресурсы региона также крайне важны для китайской экономики.

В регионе существуют опасения по поводу возможного закабаления, которое станет платой за инвестиции. Если ранжировать страны региона по инвестиционной привлекательности, то по итогам 2021 г. получится следующая последовательность: Казахстан, Туркменистан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан [5, с. 53]. Основным инвестором региона выступает именно Китай, вкладывающий большие средства в инфраструктурные проекты, эффект от которых будет заметен в ближайшем будущем. На данном этапе КНР не стремится загонять участвующие в его проектах страны в долговые ловушки и преднамеренно конфисковать активы, чаще происходит списание долга, предоставление отсрочки, рефинансирование, отказ в предоставлении дополнительных кредитов, как показали исследования 40 случаев, связанных с трудностями в погашении долгов 24 стран в период с 2001 по 2019 г. [15]. Конечно, не все случаи пересмотра становятся известны, и выявленная тенденция может измениться, однако анализ американских специалистов “Rhodium Group” интересен.

Исследователи отмечают низкий уровень доверия местного населения к Китаю и его проектам. Это объясняется несогласием с политикой, проводимой в отношении уйгуров, родственники которых живут в республиках, недовольством тем, что рабочие места занимают китайцы, беспокойством об образующихся долгах перед Китаем и чрезмерной экономической зависимости от него как ключевого инвестора [26].

Выводы

Анализ показывает, что регион ценен для крупных мировых держав, стремящихся получить лояльность национальных элит и доступ к ресурсам, поэтому будет являться местом борьбы внешних игроков. Современные формы конфликтов имеют гибридный характер, что проявляется в отсутствии чёткой границы между военными и невоенными инструментами, используемыми на территории центральноазиатских государств. Экономическое, информационно-идеологическое, психологическое, географическое, кибернетическое пространства оказываются под воздействием внешних игроков, как государственных, так и негосударственных. Китайская стратегия делает ставку на экономические инструменты, но также включает активность и на остальных «фронтах», Западная – на информационно-идеологическое и психологическое воздействие, не оставляя без внимания и другие. Американские специалисты считают,

что Западу не стоит уподобляться КНР и инвестировать в инфраструктуру, предлагая альтернативы инициативы «Один пояс – один путь», лучше обратить внимание на помощь в сферах государственного управления, борьбы с коррупцией, управления государственными финансами [13, р. 79]. Действительно, инфраструктурные проекты требуют больших затрат и несут высокие риски, а образовательные (студенческие и школьные) и профессиональные обмены между государственными служащими, налаживание дипломатических отношений, акцент в котором делается на проявлении уважения и готовности к диалогу, – более выгодная и не менее результативная в долгосрочной перспективе альтернатива, используемая Западом в Центральной Азии [25].

Как пишет Стивен Фредерик Старр, процветание и могущество Центральной Азии «пришлись на периоды единства, созданного могущественными империями, базировавшимися внутри региона, а не навязанными ему извне», но после обретения независимости республики игнорируют друг друга, потому что чрезвычайно сконцентрированы на суверенитете и стремятся установить связи с более далекими странами, широким миром [23]. Консолидация Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана позволит региону обрести стабильность и возможность самостоятельно выбирать пути своего развития, отстраивать экономику и пользоваться всеми преимуществами своего выгодного в мировом масштабе положения. Однако сотрудничество региональных государств осложняется многолетними территориальными спорами и вмешательством западных стран, стремящихся к своим собственным целям, не соответствующим интересам Центральной Азии.

Таким образом, чтобы не стать орудием в руках внешних акторов, стремящихся за чужой счёт увеличивать своё благополучие, странам Центрально-Азиатского региона необходимо тщательно следить за деятельностью институтов и игроков, связанных с внешним финансированием и влиянием, стремиться к подлинному сотрудничеству между собой и со своими ближайшими соседями, осознать свою возрастающую для мировой экономики роль и модернизировать производство и промышленность, рационально используя имеющиеся возможности.

Список литературы

1. Кадырбаев, А. Уйгуры, казахи и киргизы-тюркские народы современного Китая / А. Кадырбаев // Россия и мусульманский мир. – 2012. – №. 1. – С. 94–100.
2. Калашников, Д. Б. Китайская помощь развитию: официальные и истинные цели / Д. Б. Калашников. – URL: <https://mirec.mgimo.ru/2021/2021-04/chinese-development-assistance-official-true-goals> (дата обращения: 10.11.2022).
3. Моуриц, Ф. Экономическое манипулирование Китая в Европе / Ф. Моуриц, А. Шелепова // *per Concordiam*. – 2020. – Т. 10, №. 3. – С. 10–15.
4. С. Жапаров: если пожелаем, то вернем земли под Кемпир-Абадом и через 10 лет. – URL: <https://ru.sputnik.kg/2022/11/17/kyrgyzstan-sadyr-zhparov-kempir-abad-1070054813.html> (дата обращения: 20.11.2022).
5. Экономика Центральной Азии: новый взгляд. – Алматы, Бишкек, Москва : Евразийский банк развития, 2022. – 104 с.
6. BP p.l.c. *Statistical Review of World Energy*. – 71st ed. – London : BP p.l.c., 2022. – 60 p.
7. Benvenuti, A. *China's Foreign Policy: The Emergence of a Great Power* / A. Benvenuti, C. P. Chung, N. Khoo, A. T. H. Tan. – New York : Routledge, 2022. – 221 p.
8. *China's International Development Cooperation in the New Era*. – URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202101/10/content_WS5ffa6bbbc6d0f72576943922.html (дата обращения: 10.11.2022).
9. *Countries and Territories*. – URL: <https://freedomhouse.org/countries/nations-transit/scores> (дата обращения: 15.09.2022).
10. *Democracy Index 2021: The China challenge*. – London : The Economist Intelligence Unit Ltd, 2022. – 85 p.
11. Doolotkeldieva, A. *Why Russia and China Aren't Intervening in Central Asia* / A. Doolotkeldieva. – URL: <https://foreignpolicy.com/2022/10/04/tajikistan-kyrgyzstan-russia-china-intervention-central-asia/> (дата обращения: 15.11.2022).

12. Heath, T. R. The Return of Great Power War: Scenarios of Systemic Conflict Between the United States and China / T. R. Heath, K. Gunness, T. Finazzo. – Santa Monica : RAND Corporation, 2022. – 156 p.
13. Horigoshi, A. Delivering the Belt and Road: Decoding the supply of and demand for Chinese overseas development projects / A. Horigoshi, S. Custer, B. Burgess, K. Marshall, V. Choo, K. Andrzejewski, E. Dumont. – Williamsburg : AidData, 2022. – 96 p.
14. Kashmeri, S. A. China's Grand Strategy: Weaving a New Silk Road to Global Primacy / S. A. Kashmeri. – Santa Barbara : ABC-CLIO, 2019. – 190 p.
15. Kratz, A. New Data on the "Debt Trap" Question / A. Kratz. – URL: <https://rhg.com/research/new-data-on-the-debt-trap-question/> (дата обращения: 15.11.2022).
16. Liu, H. Opportunities and Anxieties for the Chinese Diaspora in Southeast Asia / H. Liu // Current History: A Journal of Contemporary World Affairs. – 2016. – Т. 115, № 784. – P. 312–318. – doi: 10.1525/CURH.2016.115.784.312.
17. Niquet, V. China and Central Asia / V. Niquet // China Perspectives. – 2006. – Т. 67. – P. 1–13. – doi: 10.1016/j.sbspro.2014.07.439.
18. Pradhan, R. China's rise in Central Asia / R. Pradhan // World Affairs: The Journal of International Issues. – 2017. – Т. 21, № 3. – P. 50–60.
19. Ren, N. Domesticating "Transnational Cultural Capital": The Chinese State and Diasporic Technopreneur Returnees / N. Ren, H. Liu // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2019. – Т. 45, № 13. – P. 2308–2327. – doi: 10.1080/1369183X.2018.1534583.
20. Rogalsky, A. Assessment of energy and mineral resource endowments in Central Asia: application of United Nations framework classification for resources / A. Rogalsky et al. – Geneva : UNECE, 2020. – 247 p.
21. Scobell, A. Terrorism and Chinese Foreign Policy // China Rising: Power and Motivation in Chinese Foreign Policy / A. Scobell. – Lanham : Rowman & Littlefield, 2005. – P. 305–324.
22. Scobell, A. China's Strategy Toward South and Central Asia: An Empty Fortress / A. Scobell, E. Ratner, M. Beckley. – Santa Monica : RAND Corporation, 2014. – 128 p.
23. Starr, S. F. In Defense of Greater Central Asia / S. F. Starr. – URL: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/StarrVO.pdf> (дата обращения: 15.11.2022).
24. Tan, A. T. H. Why China Is Not a Global Power / A. T. H. Tan // The RUSI Journal. – 2014. – Т. 159. – P. 42–50. – doi: 10.1080/03071847.2014.969943.
25. Thornton, S. A. China in Central Asia: Is China winning the "new great game"? / S. A. Thornton. – URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2020/06/FP_20200615_china_central_asia_thornton.pdf (дата обращения: 15.11.2022).
26. Woods, E. Public Opinion on China Waning in Central Asia / E. Woods, T. Baker. – URL: <https://thediplomat.com/2022/05/public-opinion-on-china-waning-in-central-asia/> (дата обращения: 15.11.2022).
27. Woods, E. What Might Sustainable Development in Tajikistan Look Like? Bridging a Rural-Urban Divide / E. Woods, T. Baker, W. Adkison. – URL: <https://www.cabarometer.org/en/publications/what-might-sustainable-development-in-tajikistan-look-like-bridging-a-rural-urban-divide> (дата обращения: 15.11.2022).
28. Yau, N. China's security management towards Central Asia / N. Yau. – Philadelphia : The Foreign Policy Research Institute, 2022. – 66 p.
29. Yau, N. Central Asia and China's Taiwan Dilemma / N. Yau, T. Yan. – URL: <https://www.fpri.org/article/2022/09/central-asia-and-chinas-taiwan-dilemma/> (дата обращения: 15.11.2022).
30. Yuan, J. China's evolving approach to foreign aid / J Yuan, F. Su, X. Ouyang. – Stockholm : SIPRI, 2022. – 44 p.
31. Zhou, Q. Energy geopolitics in Central Asia: China's involvement and responses / Q. Zhou, Z. He, Y. U. Yang // Journal of Geographical Sciences. – 2020. – Т. 30, № 11. – P. 1871–1895. – doi: 10.1007/s11442-020-1816-6.
32. 中共中央办公厅印发《关于加强欧美同学会（留学人员联谊会）建设的意见》。 – URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2016-08/03/c_1119332162.htm (дата обращения: 15.11.2022).
33. 唐家璇称，应在非政府组织领域增强中国的声音。 – URL: <http://news.sina.com.cn/c/2003-11-11/19561099461s.shtml> (дата обращения: 10.11.2022).

References

1. Kadyrbaev, A. Uygury, kazakhi i kirgizy – tyurkskie narody sovremennogo Kitaya [Uighurs, Kazakhs and Kirghiz – the Turkic peoples of modern China]. *Rossiya i musulmanskij mir* [Russia and the Moslem world]. 2012, no. 1, pp. 94–100.
2. Kalashnikov, D. B. *Kitayskaya pomoshch razvitiyu: ofitsialnye i istinnye tseli* [Chinese Development Assistance: Official and True Goals]. Available at: <https://mirec.mgimo.ru/2021/2021-04/chinese-development-assistance-official-true-goals> (accessed: 10.11.2022).
3. Mourits, F., Shelepova, A. Ekonomicheskoe manipulirovanie Kitaya v Evrope [China's Economic Statecraft In Europe]. *per Concordiam*. 2020, vol. 10, no. 3, pp. 10–15.
4. S. Zhaparov: *esli pozhe laem, to vernem zemli pod Kempir-Abadam i cherez 10 let* [S. Zhaparov: if we wish, we will return the land near Kempir-Abad in 10 years]. Available at: <https://ru.sputnik.kg/2022/11/17/kyrgyzstan-sadyr-zhaparov-kempir-abad-1070054813.html> (accessed: 20.11.2022).
5. *Ekonomika Tsentralnoy Azii: novyy vzglyad* [The Economy of Central Asia: a new look]. Almaty, Bishkek, Moscow: Eurasian Development Bank; 2022, 104 p.
6. *BP p.l.c. Statistical Review of World Energy*. London: BP p.l.c.; 2022, 71st ed., 60 p.
7. Benvenuti, A., Chung, C. P., Khoo, N., Tan, A. T. H. *China's Foreign Policy: The Emergence of a Great Power*. New York: Routledge; 2022, 221 p.
8. *China's International Development Cooperation in the New Era*. Available at: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202101/10/content_WS5ffa6bbbc6d0f72576943922.html (accessed: 10.11.2022).
9. *Countries and Territories*. Available at: <https://freedomhouse.org/countries/nations-transit/scores> (accessed: 15.09.2022).
10. *Democracy Index 2021: The China challenge*. London: The Economist Intelligence Unit Ltd; 2022, 85 p.
11. Doolotkeldieva, A., Marat, E. *Why Russia and China Aren't Intervening in Central Asia*. Available at: <https://foreignpolicy.com/2022/10/04/tajikistan-kyrgyzstan-russia-china-intervention-central-asia/> (accessed: 15.11.2022).
12. Heath, T. R., Gunness, K., Finazzo, T. *The Return of Great Power War: Scenarios of Systemic Conflict Between the United States and China*. Santa Monica: RAND Corporation; 2022, 156 p.
13. Horigoshi, A., Custer, S., Burgess, B., Marshall, K., Choo, V., Andrzejewski, K., Dumont, E. *Delivering the Belt and Road: Decoding the supply of and demand for Chinese overseas development projects*. Williamsburg: AidData; 2022, 96 p.
14. Kashmeri, S. A. *China's Grand Strategy: Weaving a New Silk Road to Global Primacy*. Santa Barbara: ABC-CLIO; 2019, 190 p.
15. Kratz, A., Feng, A., Wright, L. *New Data on the "Debt Trap" Question*. Available at: <https://rhg.com/research/new-data-on-the-debt-trap-question/> (accessed: 15.11.2022).
16. Liu, H. Opportunities and Anxieties for the Chinese Diaspora in Southeast Asia. *Current History: A Journal of Contemporary World Affairs*. 2016, vol. 115, no. 784, pp. 312–318. doi: 10.1525/CURH.2016.115.784.312.
17. Niquet, V. China and Central Asia. *China Perspectives*. 2006, vol. 67, pp. 1–13. doi: 10.1016/j.sbspro.2014.07.439.
18. Pradhan, R. China's rise in Central Asia. *World Affairs: The Journal of International Issues*. 2017, vol. 21, no. 3, pp. 50–60.
19. Ren, N., Liu, H. Domesticating "Transnational Cultural Capital": The Chinese State and Diasporic Technopreneur Returnees. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2019, vol. 45, no. 13, pp. 2308–2327. doi: 10.1080/1369183X.2018.1534583.
20. Rogalsky, A. et al. *Assessment of energy and mineral resource endowments in Central Asia: application of United Nations framework classification for resources*. Geneva: UNECE; 2020, 247 p.
21. Scobell, A. *Terrorism and Chinese Foreign Policy. China Rising: Power and Motivation in Chinese Foreign Policy*. Lanham: Rowman & Littlefield; 2005, pp. 305–324.
22. Scobell, A., Ratner, E., Beckley, M. *China's Strategy Toward South and Central Asia: An Empty Fortress*. Santa Monica: RAND Corporation; 2014, 128 p.
23. Starr, S. F. *In Defense of Greater Central Asia*. Available at: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/StarrVO.pdf> (accessed: 15.11.2022).
24. Tan, A. T. H. Why China Is Not a Global Power. *The RUSI Journal*. 2014, vol. 159, pp. 42–50. doi: 10.1080/03071847.2014.969943.
25. Thornton, S. A. *China in Central Asia: Is China winning the "new great game"?* Available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2020/06/FP_20200615_china_central_asia_thornton.pdf (accessed: 15.11.2022).

26. Woods, E., Baker, T. *Public Opinion on China Waning in Central Asia*. Available at: <https://thediplomat.com/2022/05/public-opinion-on-china-waning-in-central-asia/> (accessed: 15.11.2022).
27. Woods, E., Baker, T., Adkison, W. *What Might Sustainable Development in Tajikistan Look Like? Bridging a Rural-Urban Divide*. Available at: <https://www.ca-barometer.org/en/publications/what-might-sustainable-development-in-tajikistan-look-like-bridging-a-rural-urban-divide> (accessed: 15.11.2022).
28. Yau, N. *China's security management towards Central Asia*. Philadelphia: The Foreign Policy Research Institute; 2022, 66 p.
29. Yau, N., Yan, T. *Central Asia and China's Taiwan Dilemma*. Available at: <https://www.fpri.org/article/2022/09/central-asia-and-chinas-taiwan-dilemma/> (accessed: 15.11.2022).
30. Yuan, J., Su, F., Ouyang, X. *China's evolving approach to foreign aid*. Stockholm: SIPRI; 2022, 44 p.
31. Zhou, Q., He, Z., Yang, Y. U. Energy geopolitics in Central Asia: China's involvement and responses. *Journal of Geographical Sciences*. 2020, vol. 30, no. 11, pp. 1871–1895. doi: 10.1007/s11442-020-1816-6.
32. Zhōnggòng zhōngyāng bàngōng tīng yìfā “guānyú jiāqiáng ōuměi tóngxué huì (liúxué rényuán liányì huì) jiànshè de yìjiàn” [The General Office of the Central Committee of the Communist Party of China issued the "Opinions on Strengthening the Construction of European and American Alumni Associations (Associations for Overseas Students)". Available at: http://www.xinhuanet.com/politics/2016-08/03/c_1119332162.htm (accessed: 15.11.2022).
33. Tángjiāxuán chēng, yīng zài fēi zhèngfǔ zǔzhī lǐngyù zēngqiáng zhōngguó de shēngyīn [Tang Jiaxuan said that China's voice should be strengthened in the field of non-governmental organizations]. Available at: <http://news.sina.com.cn/c/2003-11-11/19561099461s.shtml> (accessed: 10.11.2022).

Информация об авторах

Гончаренко А.Р. – магистрант;
Манойло А.В. – доктор политических наук, профессор.

Information about the authors

Goncharenko A. R. – graduate student;
Manoilo A. V. – Doctor of Political Science, Professor.

Вклад авторов

Гончаренко А. Р. – обработка и анализ материала, написание исходного текста;
Манойло А. В. – научное руководство, разработка концепции исследования, обоснование цели статьи, доработка текста.

Contribution of the authors

Goncharenko A. R. – processing and analysis of the material, writing the draft;
Manoilo A. V. – scientific management, research concept, follow-on revision of the text.

Статья поступила в редакцию 24.01.2023; одобрена после рецензирования 06.03.2023; принята к публикации 30.06.2023.

The article was submitted 24.01.2023; approved after reviewing 06.03.2023; accepted for publication 30.06.2023.